

НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрывается отношение населения Южного Урала к началу Первой мировой войны. Автор показывает отношение к войне различных социальных и политических сил региона. В статье делается вывод о том, что в начале Первой мировой войны на Южном Урале наблюдался рост патриотических и национальных настроений в пользу поддержки политики правительства.

Ключевые слова: Первая мировая война, Южный Урал, мобилизация, патриотизм, политические партии, политические настроения.

В 2008 году на Западе широко отметили 90-летие окончания Первой мировой войны. Представители власти, общественность вновь вспомнили об этой войне, средства массовой информации широко освещали мероприятия, посвященные этому событию. С учетом масштаба этой трагедии века, ее военно-политических, социально-экономических, психологических последствий на Западе, в том числе в исторической науке, Первую мировую войну называли Великой войной.

К сожалению, в современной России это дата прошла как-то незаметно для власти и широкой общественности. Хотя Россия играла ключевую роль в этой войне, на протяжении нескольких лет шли ожесточенные сражения на ее территории и, наконец, наша страна потеряла больше человеческих жизней, чем какая-либо другая воюющая держава. Причина потери исторической памяти, пожалуй, заключается в том, что эту войну мы проиграли, а вспомнить свой позор мы не любим. Кроме того, свою лепту в овладении общественным сознанием этой войны как антинародной, несправедливой и захватнической внес В.И. Ленин. Впоследствии его оценка была принята отечественными исследователями и на десятилетия она стала господствующей в отечественной исторической науке. История Первой мировой войны для нас стала непопулярной, она преподносилась как война, в которой Россия имела одни поражения. Отечественные исследователи избегали изучения сюжетов, связанных с героизмом и мужеством солдат и офицеров. Это война была лишена персоналий. Как правило, историки называли трех генералов: двух «плохих» – А.В. Самсонова и П.К. Ренненкампа и одного «хорошего» – А.А. Брусилова. Последнего выделяли за его переход на сторону

большевиков, после которого он занимал видные посты в рабоче-крестьянской Красной армии. С мая 1920 года А.А. Брусилов возглавлял Особое совещание при главнокомандующем всеми вооруженными силами Советской Республики. Он был руководителем группы по разработке плана организации военного похода через Среднюю Азию в Индию в целях распространения мировой революции в азиатском направлении.

Все это вместе взятое сказалось на том, что сегодня в каждой школе имеются музеи, посвященные подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне, но мы почти ничего не знаем о тех, кто защищал Россию в Первой мировой войне.

Архивные данные свидетельствуют о том, что в начале войны в российском обществе наблюдался порыв патриотизма и националистических настроений. Свыше 95% призывников явились на призывные пункты.

На Южном Урале об объявлении мобилизации стало известно 17 июля в 7 часов вечера. Утром следующего дня указ о мобилизации можно было прочитать во всех местных газетах [1]. 22 июля номер газеты «Оренбургская жизнь» вышел под «шапкой» «Мировая война». В газете был опубликован царский Манифест о вступлении России в войну.

На Южном Урале духовенство, интеллигенция, служащие, предпринимательские круги, крестьянство, рабочие откликнулись на объявление войны патриотическими манифестациями. Во многих городах, заводских поселках, селах и деревнях прошли молебны о даровании победы. Они сопровождались сбором пожертвований на нужды войны, которая рассматривалась большинством населения как справедливая и оборонительная.

Активно, в патриотическом духе действовала церковь. На окружном съезде православного духовенства в Оренбурге священники договорились помогать местным властям в проведении мобилизаций. Не отставало от православного и мусульманское духовенство. «Мусульманское духовенство проявило и проявляет редкий патриотизм», – сообщала «Оренбургская газета». – «Мы с отрядом должны отметить не только многочисленные воззвания о пожертвованиях отдельных лиц из мусульманского духовенства, но и целых духовных правлений» [2]. Глава мусульман – Оренбургский муфтий в своем обращении к населению призывал идти на жертвы ради продолжения войны.

Так, после манифестаций в г. Оренбурге около пятисот человек записались в действующую армию добровольцами. 21 июля в Казанском кафедральном соборе епископ Челябинский Дионисий провел молебен «О ниспослании победы русскому оружию», а 27 июля на фронт отправился 7-й казачий полк. В этот день из Петербурга пришла телеграмма от Николая II, в которой подчеркивалась его уверенность в том, что оренбургские казаки «...будут на поле брани героями!» [3, с. 330].

Согласно боевому расписанию 1910 г., уже через неделю после объявления мобилизации второочередные полки Оренбургского казачьего войска (с 7-го по 12-й) были направлены в районы развертывания русской армии. Вслед за ними (с 30 июля по 7 августа) отправились полки третьей очереди: с 13-го по 18-й.

Из второочередных казаков Второго и Третьего военных отделов была сформирована Оренбургская казачья дивизия в составе 9-го, 10-го, 11-го и 12-го шестисотенных полков и 5-й казачьей батареи. Дивизия насчитывала 4 тыс. казаков, 100 офицеров и имела 6 орудий и 18 пулеметов. Командиром дивизии был назначен начальник Оренбургского казачьего юнкерского военного училища генерал-лейтенант М.Г. Михеев [4, с. 186]. Оренбургская казачья дивизия в числе первых соединений казачьих войск прибыла на фронт и вошла в состав 6-й армии Северо-Западного фронта. Дивизия получила приказ – оборонять побережье Финского залива в районе Петрограда.

Всего за годы войны Оренбургское казачье войско по плану мобилизации 1910 г. вы-

ставило: 18 конных полков, из которых два – 4-й и 6-й – участия в боевых действиях не принимали, 30 пеших батальонов, отдельный конный дивизион, 8 артиллерийских батарей, 39 отдельных и особых конных сотен, 9 конвойных полусотен [5, с. 134]. В целом было мобилизовано свыше 30 тыс. казаков.

Проводы казаков по старинной традиции проходили торжественно. Так, отправляя войска из Челябинска, полкам были преподнесены от жителей города иконы, а воинам вручены подарки: сахар, открытки, конверты, карандаши и прочее. На эти цели горожанам удалось собрать 1689 рублей, из которых 427 руб. выделила Челябинская городская дума [6, л. 11–13].

Участие в войне привело к мобилизации многих миллионов мужчин репродуктивного возраста из числа крестьян, так как по своему составу русская армия была в основном крестьянской. В армию ушла половина трудоспособных мужчин (из 1000 чел. – 474); из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин репродуктивного возраста. Более половины хозяйств остались без кормильцев.

В силу аграрного характера региона и огромного преобладания сельского населения, только за один год, с начала войны до июля 1915 г., в Уфимской губернии было мобилизовано 160 тыс. крестьян [7, с. 18]. К ноябрю 1916 г. было призвано 295705 человек [8, с. 415]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., из Уфимской губернии в армию было мобилизовано 322774 человека [9, л. 9], из Оренбургской – 162661 человек [10, л. 21].

За время войны в Оренбургской и Уфимской губерниях, как и в других губерниях Российской империи, были проведены мобилизации ратников ополчения. Ополчение включало все мужское население империи в возрасте от 21 до 43 лет, способное носить оружие, но не числящееся в полевой армии. Лица, состоящие в ополчении, назывались ратниками. Ратники делились на два разряда. Согласно 47 ст. Устава в ратники 1-го разряда зачисляли лиц не старше 43 лет, годных к службе по состоянию здоровья, а также добровольцев. В ратники 2-го разряда зачислялись новобранцы, ранее получившие отсрочку по причине болезни или недостаточной зрелости [11, л. 37].

В течение 1914–1916 гг. в Оренбургской губернии было проведено 14 мобилизаций ратников 1-го и 2-го разрядов.

Согласно документам Оренбургского губернского по воинской повинности присутствия, за 1914–1916 гг. в российскую армию было мобилизовано 120581 человек [12, л. 93]. Однако наш подсчет, исходя из данных сводной ведомости по годам мобилизаций, показывает, что было отправлено всего 110581 человек. Следовательно, 10 тыс. ополченцев набирали дополнительно не по мобилизациям, или это число не вошло в сводные ведомости. Итак, всего по губернии было призвано 143741 человек, отправлено на службу – 120581 человек [12, л. 168–188].

Количество мобилизованных в Уфимской губернии за 1914 г. составило 109908 человек. За 1915–1916 гг. в Уфимской губернии было призвано 92057 человек; отправлено при досрочных призывах в 1915 г. – 16128 новобранцев, в 1916 г. – 13136 человек. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., всего из Уфимской губернии в армию было мобилизовано 322774 человека [9, л. 9].

В годы войны на Южном Урале в ряды вооруженных сил призывались не только крестьяне, но и рабочие.

Всего Оренбургская губерния в ходе мобилизаций 1914–1917 гг. направила в действующую армию 11,7% населения, Уфимская соответственно – 10,6% (в среднем по России 11,2%). Ушедшие на фронт мужчины составляли 23,1% в Оренбургской губернии, 20,9% в Уфимской губернии (22,6% по России) [7, с. 21].

Рабочие и крестьяне отнеслись к начавшейся войне как к неизбежному злу, понимая необходимость отражения иностранной агрессии. Так, в телеграмме Уфимского губернатора в МВД от 2 августа 1914 г. отмечалось: «Эта война намного популярнее войны с Японией, она вызвала патриотический подъем, в котором растворились и исчезли не только революционные идеи, но даже партийные настроения; однако беспорядки все же имеются» [13, л. 13]. Оренбургский губернатор сообщал, что мобилизация запасных по всей губернии проходит в большом порядке и при значительном патриотическом подъеме [14, л. 2].

Патриотический порыв захватил и подростков: с первых дней войны в газетах регулярно появлялись сообщения об исчезновении и поиске подростков, сбежавших на фронт, среди которых преобладали дети служащих, крестьян и полицейских [15].

С объявлением войны на Южном Урале наблюдались всплеск антигерманских настроений и проявление враждебности по отношению к лицам немецкого происхождения. Так, в Оренбургской губернии 31 августа 1914 г. на Миасском заводе враждебное отношение к немцам вылилось в демонстрацию против аптекаря Якобсона, которого обвинили в недочете 2-х коп. сдачи (по масштабу цен того времени довольно большая сумма) отправленному за лекарством рабочему. У аптеки собралась толпа из 200–300 человек, выражая бурный протест. Лишь с трудом удалось убедить толпу разойтись [16, л. 201]. Рецидивы такого явления имели место и в последующие годы. Так, 22 мая 1915 г. рабочие Златоустовского казенного завода выступили против служащих немецкого происхождения Э.Э. Линда, Н.Л. Першке и К.Х. Тринкмана, которые якобы умышленно сокращали выпуск холодного оружия, задерживали ремонт станков, не хотели увеличить заработную плату [17, л. 6].

Тогдашние умонастроения, господствующие в обществе, отразил также народный фольклор. В книге профессора Е.И. Карпухина «Частушки (в устах нерусских Башкортостана)» мы находим следующие строки:

Дайте, дайте мне винтовку,
Дайте серого коня,
Я убью царя Вильгельма –
Тогда кончится война.

На германской-то границе
Мой милаша воевал.
За Российскую державу
Кровь горячую проливал.

Отношение к войне различных политических партий было весьма неодинаково. Так, монархисты безоговорочно поддерживали войну и выступали за ее продолжение. Демократически настроенная буржуазия и интеллигенция надеялись на осуществление внутренних политических и социальных реформ в

результате победоносного завершения войны. Кадеты были убеждены в необходимости войны до победы и во имя ее призывали к внутреннему миру и единению всех сил нации. Лидер кадетов Л.А. Кроль писал: «Если широкая народная масса не понимает необходимости в ее собственных интересах довести войну до победного конца, то это надо сделать, не считаясь с ее волей» [18, с. 81].

Осознанный протест против войны выражали южноуральские социал-демократы (большевики и меньшевики) и социалисты-революционеры. По своему социальному положению это были радикальная интеллигенция, служащие, рабочие. Так, в августе 1914 г. группа РСДРП выпустила в свет прокламацию «Правда о войне», в которой война объявлялась несправедливой, захватнической, чуждой народным интересам. Здесь содержался призыв объявить «войну войне» [19, л. 5]. Однако прокламация не получила широкого распространения и была лишь одной из попыток уфимской группы социал-демократов сформулировать свою антивоенную позицию. Большевикам удалось организовать единичные антивоенные акции: в Миньяре на Красной горе состоялась антивоенная сходка рабочих-большевиков с призывом закончить войну революционным путем, в городе Златоусте большевики в июле 1914 г. организовали антивоенную массовку. Но эти акции не оказали существенного влияния на рабочую среду.

Однако в рядах социал-демократии не было единства: одни стояли на последовательной большевистской позиции, другие поддерживали решения Лондонской конференции социалистов стран Антанты (1915 г.), объявивших борьбу с милитаристской Германией священным делом демократии всех стран. Это означало поддержку дела обороны страны как необходимого условия будущих демократических преобразований. Для революционных социал-демократов Южного Урала было характерно убеждение в возможности выхода из войны путем созыва международной социалистической конференции с целью давления на правительства своих стран и заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. Оборонцы преобладали во многих городах Южного Урала, сильным было их влияние в уфимской и оренбургской орга-

низациях РСДРП. Большевики же стремились всеми способами разоблачать оборончество меньшевиков и центристов и бороться за свержение царизма путем революции [20, с. 77–78].

На фоне преобладания оборонческой позиции своим неприятием к войне выделялись уфимские эсеры И.З. Штейнберг и А.И. Бриллиантов. И.З. Штейнберг считал, что необходим революционный выход из войны, так как ее затягивание только ослабит революцию. «Или русская революция «съест» войну, или война «съест» русскую революцию», – говорил он на заседании Уфимской городской думы в августе 1917 г. [21].

Для эсеров характерным стало стремление к усилению международной демократии в деле прекращения войны. Однако их правое крыло провозгласило классовый мир во имя победы европейской демократии. Центристы отрицали идею классового мира, соединяя лозунг защиты Отечества с призывами к революционной борьбе с правительством. Они считали, что ни победа, ни поражение России в войне не принесут желанной свободы русскому народу. Левые выступали за скорейший выход из империалистической войны. Четко выраженную оборонческую позицию занимала большая часть уфимской организации эсеров во главе с В.П. Гиневским и А.Л. Шеломенцевым [22, с. 14–15].

Новые тенденции в эволюции общественных взглядов на проблемы войны и мира появились в 1915 г. Главными факторами в изменении настроений общественности стали поражения на фронте весной – летом 1915 г. и выявившаяся в связи с этим неспособность царского правительства обеспечить победоносный исход войны, а также начало продовольственных затруднений и хозяйственного кризиса. Теперь буржуазно-кадетские круги перешли в оппозицию к правительству и создали свои органы по руководству обороной страны.

С осени 1915 г., после сокрушительных поражений русской армии в Польше и стремительного продвижения немцев на восток, на фоне нарастающих экономических трудностей в России стал складываться новый общенациональный кризис, значительно превзошедший по своим масштабам и остроте кризисные явления в других воюющих странах. В итоге патриотическое оживление, со-

проводившее начальный этап войны, стало сменяться, с одной стороны, усталостью, разочарованием в способности царизма защитить честь и национальное достоинство России, а с другой – ростом оппозиционных настроений, стремлением к скорейшему заключению мира. Эти неудачи России в войне и

как последствия – глубокий социально-экономический и политический кризис вызвали поворот в общественном сознании россиян. Первая мировая война стала крайне непопулярной в народе. Под лозунгом «Долой войну» большевики легко в октябре 1917 года пришли к власти.

17.04.2012

Список литературы:

1. Оренбургская газета. – 1914. – 18 июля.
2. Оренбургская газета. – 1914. – 16 сентября.
3. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – 397 с.
4. Семенов, В.Г. Оренбургские казаки на фронтах Первой мировой войны // Гостиный двор. – 1995. – №2. – С. 186–195.
5. Семенов, В.Г. Участие оренбургского казачества в первой мировой войне // Казаки Урала и Сибири в XVIII – XX вв.: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрО РАН; Ин-т истории и археологии, 1993. – С. 129–137.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1166.
7. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М.: Отдел военной статистики, 1925. – 103 с.
8. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. – Уфа: Башкнигоиздат, 1959. – 539 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 24.
10. ГА РФ. Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 17.
11. Государственный архив Оренбургской Области (ГАОО). Ф. 188. Оп. 1. Д. 360.
12. ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 362.
13. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Ч. 81.
14. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Ч. 4.
15. Оренбургская жизнь. – 1914. – 21 декабря.
16. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 142.
17. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 81. Ч. 2.
18. Думова, Н.Г. Кончилось наше время... – М.: Политиздат, 1990. – 336 с.
19. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 1832. Оп. 1. Д. 95.
20. Большевики в годы империалистической войны, 1914 – февраль 1917 г.: Сб. док. местных большевистских организаций. – М.: Госполитиздат, 1939. – 230 с.
21. Вперед. – 1917. – 27 августа.
22. Васильев С.М., Черемис В.П. На путях к Октябрю (Краткий очерк рабочего движения в Башкирии в 1914–1917 гг.). – Уфа: Башкнигоиздат, 1960. – 127 с.

Сведения об авторах:

Магомедов Рамазан Раджабович, заведующий кафедрой всеобщей истории Оренбургского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор
Шмакова Наталья Николаевна, доцент кафедры всеобщей истории Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19, ауд. 435, тел. (3532) 776929, e-mail: rr-magomedov@yandex.ru

UDC (s) 177 (с17), 12 М

Magomedov R.R., Shmakova N.N.

Orenburg State Pedagogical University, e-mail: rr-magomedov@yandex.ru

POPULATION OF SOUTHERN URAL IN BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

The article reveals the attitude of the population of the Southern Urals to the beginning of the World War I. The author shows attitude to the war of various social and political forces in the region. The article concludes that at the beginning of World War I in the South Urals there was an increase of the patriotic and national sentiments in favor of supporting government policies.

Key words: World War I, Southern Urals, mobilization, patriotism, political parties, political mood.